

КОНЦЕПЦИЯ МЕСТОРАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО АСПЕКТА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Г.В. ВЕРНАДСКОГО И П.Н. САВИЦКОГО

Речь пойдет о концепции «месторазвития», которая занимает ключевое место в евразийской мысли русского зарубежья (20–30-е гг. XX в.), и именно благодаря обращению к ней представляется возможным в полной мере понять основу исторических построений ученых-евразийцев. Приведены различные точки зрения на данную проблему, что позволяет разносторонне оценить значимость теории о «месторазвитии».

Ключевые слова: евразийская мысль; Г.В. Вернадский; П.Н. Савицкий; концепция; природно-географический фактор.

Теорию «месторазвития» в исторических трудах Г.В. Вернадского (20 августа 1887 г. – 13 июня 1973 г.) возможно раскрыть только с привлечением работ П.Н. Савицкого (15 мая 1895 г. – 13 апреля 1968 г.), так как именно П.Н. Савицкий является автором этой дефиниции, а Г.В. Вернадский, в свою очередь, следовал некоторым его научным выводам. Учитывая данное обстоятельство, необходимо будет выявить, какие именно постулаты П.Н. Савицкого историк Г.В. Вернадский применил в своих исторических и евразийских воззрениях. Каким образом отразились евразийские взгляды на научное творчество Г.В. Вернадского, а также установить степень влияния теории «месторазвития» на исторические воззрения Г.В. Вернадского. Необходимо также отметить, что Г.В. Вернадский вслед за П.Н. Савицким применил в своих исторических трудах междисциплинарный структуралистский подход. Г.В. Вернадский отмечал в одном из примечаний монографии «Начертание русской истории»: «Я мог пользоваться только печатным изложением взглядов П.Н. Савицкого, но многое вынес из непосредственных бесед с ним» [1. С. 283]. Однако сам Г.В. Вернадский ни в одной работе не указывал о методологическом построении своих текстов. Значительная часть методов, которые он использовал для познания исторической действительности, происходит из исторических, географических, филологических и экономических наук (теория районирования). Это позволяло моделировать синтетический, междисциплинарный подход в исторической науке. В его работах в рамках учения о «месторазвитии» обосновывалась необходимость целостного подхода к истории, выражавшегося в построении логически связанной монолитной системы.

Структурализм как парадигма в общественных науках возник в 50–60-х гг. XX в., главную роль в нем сыграли такие французские ученые, как Клод Леви-Стросс, Жак Лакан, Ролан Барт, Мишель Фуко. Задолго до них именно в евразийстве структурализм фактически был общенаучной методологической системой и применялся в различных областях знания: географии, истории, лингвистике. Структурализм лишь частично проистекал из структурной лингвистики и анализа языка, в значительной степени на его формирование оказала влияние география, русская географическая школа. Бурная история европейского структурализма основана на недоразумении, связанном с различием способов осмысления ключевого понятия структуры – как онтологической целостности или как системы отношений, как реального объекта или как объекта познания. Рабо-

ты евразийцев важны тем, что они сочетают в себе эти два подхода и связанные с ним недоразумения. Одним из базовых принципов структурного анализа является выявление взаимоотношений частей и целого. Структура понимается не как способ аналитического членения мира как целого, а как скрытый и подлежащий описанию принцип взаимоотношения частей. Осмысление связи целого и его частей было основной задачей евразийцев.

Евразийцы выступали за совершенно «самобытную», передовую «научную систему» – синтетическую науку. Её цель заключается в том, чтобы найти такую точку зрения на различные аспекты познания, откуда можно было бы увидеть одновременно и Евразию, и мир в целом, постичь единое за многим – не забывая, что единое состоит из многого, из различных множеств, именно этот недостаток исправляет учение о «месторазвитии», писал П.Н. Милюков, подчёркивая значимость данной концепции [2. С. 528].

Обращаясь к историческому наследию Г.В. Вернадского, отметим, что его первой «евразийской» статьей, можно считать работу «Соединение церквей в исторической действительности» [3], написанную для сборника «Россия и латинство» (1923). При анализе статьи выявляются в большей степени патриотические взгляды ученого-эмигранта, нежели евразийские. В ней рассматривались различные попытки заключения уний между католической и православной ветвями христианства: «Две “кафолические”, всеобщие христианские церкви заявляют о существовании своем на земле. Одна – “греко-римская”, православная, восточного исповедания. Другая – *ecclesia Romana*, римская церковь. На самом деле, однако, есть и может быть лишь одна истинная Церковь. Церковь единая видимо для всех существовала 10½ веков до разделения церквей в 1054 году» [Там же. С. 160]. Автор приходит к выводу, что в их основе всегда лежат политические интриги, по сути разделявшие христианский мир на Западный и Восточный: «Нигде уния не была действительным “соединением” церквей; она почти всюду была или вынужденной или неискренней, или просто подготовительной ступенью для перехода в латинство» [3. С. 174]. Сделанные выводы, возможно, и положили начало возрождению интереса Г.В. Вернадского к идеям своей творческой юности. Можно отметить, что отец ученого, В.И. Вернадский, подверг критике данную статью [4].

Безусловно, в дальнейшем научном творчестве Г.В. Вернадский отдалился от субъективных построений своих работ, где, возможно, сказалось мнение Вер-

надского-старшего. Г.В. Вернадский не оставил православию без внимания, перейдя к более масштабным историческим конструкциям, которые он в полной мере изложил в монографии «Начертание русской истории» (1927 г.). В ней историком был произведен комплексный анализ, в котором проводилось системное исследование территории, данных физической географии, климатологии, биологии, почвоведения и истории человеческих обществ. Историк Г.В. Вернадский неслучайно принял за исследование исторического развития Руси, а затем и России в подобном, евразийском ключе. Знаковым моментом стало совместное сотрудничество ученого с лидером евразийского течения П.Н. Савицким (1923). Именно православная тема стала тем спланирующим звеном, которая способствовала идейному сближению Г.В. Вернадского с евразийской мыслью, а особенно с П.Н. Савицким. Более того, Г.В. Вернадский воспринимал идеи П.Н. Савицкого о влиянии природно-географического фактора на жизнедеятельность общества и культурное развитие, находящиеся в неразрывной взаимосвязи между собой.

П.Н. Савицкий положительно подметил деятельность историка Г.В. Вернадского в отношении развития евразийских положений, особенно в проделанном историческом исследовании евразийского материка, в котором Г.В. Вернадский придавал историческому процессу целостное, углубленное, масштабное представление в срезе географических характеристик: «Пришло время понять ее [историю], как главу в истории... срединного мира Евразии. В виде особых глав войдут сюда и история народов евразийских оазисов, и история степного мира, и история дославянских народов северной лесной зоны, и история кочевников тундры. Объединительные стремления, носителями которых первоначально были степняки, а затем русский народ, дают историю этого мира стройность и целостность» [5. С. 54]. Построенная историком система исторического развития была основана на междисциплинарном методе исследования, на котором следует остановиться подробнее.

Применение структурного метода в учении о «месторазвитии» позволяет Г.В. Вернадскому и П.Н. Савицкому выявить целый комплекс особенностей, которые выделяют Россию-Евразию в отдельный историко-географический мир, иначе структурированный, чем западные и восточные цивилизации, где, соответственно, любое сравнение между ними теряет свой смысл. Как отмечает О.В. Первушина, новизна данного подхода в трудах евразийцев состояла в том, что их концепции базировались на синтезе этнографического, географического, культурфилософского знания, интегрированного в стройную и убедительную систему, объединяющую концепты «природа», «общество», «культура» [6. С. 65–68].

Интересна точка зрения А.Н. Полухина на этот предмет: «сущность месторазвития состоит из: 1) феномена синтеза; 2) феномена пространства и разных типов месторазвитий и 3) феномена сочетания различных материальных и духовных начал и явлений. Идея месторазвития – это связь явлений и синтез наук, это одна из возможных концепций сущего; её нельзя отнести к системе географического монизма, хотя подчёркивается определённая принудительность воздействия

месторазвития на историческую жизнь» [7. С. 62]. С помощью этого подхода Г.В. Вернадский определял основную евразийскую категорию «месторазвитие» следующим образом: «Определённая географическая среда, которая налагает печать своих особенностей на человеческое общежитие, развивающихся в этой среде» [1. С. 25]. Надлежит подчеркнуть, что П.Н. Савицкий является автором теории «месторазвития». Он давал более полное определение данной структурной категории: «Между растительными, животными и минеральными царствами, с одной стороны, человеком, его бытом и даже духовным миром – с другой. В “общежитии” этом элементы его взаимно приспособлены друг к другу и... находятся под влиянием внешней среды, под властью земли и неба; и в свою очередь влияют на внешнюю среду... это создаёт свой порядок, свою гармонию, свою устойчивость...» – это и является категорией «месторазвития» [8. С. 31].

Следует обратить внимание, что Г.В. Вернадский, детально рассмотрев исторический процесс евразийского континента через призму «месторазвития», к словам П.Н. Савицкого добавил опытно-историческую точку зрения: «Именно в рамках этого мира могли образовываться крупные социальные единицы, как Скифская, Гуннская или Монгольская империя, а позже империя Российская» [1. С. 26]. Можно заметить, что Г.В. Вернадский переплетает между собой пространство и время, проецируя на конфигурацию государственного образования, тем самым выражая структуралистское видение системных связей внутриматериковых процессов. Г.В. Вернадский делает акцент на немаловажное обстоятельство: «Русский народ рос и развивался не в бездушном пространстве, а в определённой среде и на определённом месте» [Там же. С. 25], поэтому понимание исторических и евразийских воззрений Г.В. Вернадского немыслимо без уяснения данного понятия – совокупность естественных условий (особенности ландшафта, почвы, растительности, климата), в которых разворачивается история данного народа [Там же. С. 26]. В рамках методологического подхода Г.В. Вернадский и П.Н. Савицкий применяли наложение на сетку географических признаков сетки признаков исторических и нахождение на этой основе параллелизмов, осуществление поиска конвергенции (что есть геософия) – поистине один из основополагающих [1; 9. С. 8–23; 10. С. 288; 11. С. 126]. С помощью географии учёный находил исторически обоснованные границы отдельных районов, государств, историко-географических миров. Он сопоставлял почвенные, климатические, административные и прочие характеристики и выявлял многочисленные параллельные связи. Вернадский даёт следующее пояснение: «Историческое месторазвитие народов Евразии в их совокупности – то же, что месторазвитие народа русского. Но в то время как для народа русского Евразия в целом является в средние века месторазвитием лишь потенциальным, а практически история собственно русская до половины XVI в. развёртывается преимущественно в рамках Евразии Западной (“Восточной Европы”), при изучении истории Евразии с самых ранних времен вся Евразия в целом является географической базой» [1. С. 23].

Ученые-евразийцы считали, что лик земли не хаотичен, а построен закономерно, поэтому геологическое

устройство, гидрологические особенности, качества почвы и характер растительности находятся во взаимной закономерной связи, а также в связи с климатом и с морфологическими особенностями данного лика земли. Каждая человеческая среда находится в своей неповторимой географической обстановке. Существует целый ряд «месторазвитий» от каждого двора, села, города до целой Вселенной. Каждый двор, каждая деревня есть «месторазвитие». Указанные «меньшие месторазвития» объединяются и смешиваются в «месторазвития большие» – так логически вытекает в трудах евразийцев (в том числе и Г.В. Вернадского) многочисленный ряд «месторазвитий». Россия-Евразия, как большое «месторазвитие», сочетает степь с зоной лесной, пустынной, тундровой, подразумевает их взаимодействие с обрамляющими Евразию странами, отмечена определёнными общими признаками. Цельным, но локальным «месторазвитием» являлась Каспийско-Черноморская степь, далее различные области – объединения леса и степи (Днепровско-Киевская, Волжско-Болгарская) [1. С. 24; 8. С. 10]. Исследованные П.Н. Савицким «большие и меньшие месторазвития», по мнению современного ученого В.Ю. Быстрякова, поддержаны были Г.В. Вернадским [12. С. 218]. Следовательно, для более точного понимания низменностей-равнин в работах Г.В. Вернадского необходимо обратиться к формулировке, сделанной П.Н. Савицким: «Евразийский мир состоит из трёх низменностей-равнин: Восточно-Европейской, Западно-Сибирской и Туркестанской. Названные три равнины, вместе с возвышенностями, отделяющими их друг от друга (Урало-Алтайские горы и так называемый Арало-Иртышский водораздел) и окаймляющими их с востока, юго-востока и юга (горы русского Дальнего Востока, Восточной Сибири, Средней Азии, Персии, Кавказа, Малой Азии), представляют в себе особый мир, единый в себе и географически отличный как от стран, лежащих к западу, так и от стран, лежащих к юго-востоку и югу от него» [13. С. 81].

Европой, с точки зрения евразийцев, является всё то, что лежит к западу от русской границы, а Азией – всё то, что лежит к югу и юго-востоку от неё. Сама Россия – ни Азия, ни Европа. Поэтому нет «Европейской» и «Азиатской» России, а есть её части, лежащие к западу и к востоку от Урала, как есть её части, лежащие к западу и к востоку от Енисея. Россия – это ни Азия, ни Европа, а представляет собой особый географический мир [1. С. 22; 10. С. 25]. Для Г.В. Вернадского большое значение имели «месторазвития», соразмерные историко-географическим мирам, таким как Европа, Россия-Евразия, Китай и др. Исследователь С. Ключников замечает, что евразийцам была присуща особая пространственно-временная оптика, большое историческое зрение, позволившее свежим взглядом в привычных до боли чертах России разглядеть целый географический континент – материк с особой исторической судьбой – Евразию [14. С. 175]. Представление о России-Евразии как о самодостаточном и самовоссоздающемся этносе и особом типе замкнутой культуры, но и одновременно разворачивающейся за пределами, стало отправным пунктом евразийской программы [15].

Если структура «месторазвития» иерархична и систематизирована от простого двора до земного шара,

то, естественно, она приложима не только к России-Евразии, но и к другим областям планеты. Г.В. Вернадский предлагал придать постановке проблемы более общую форму и рассматривать всякий исторический процесс с точки зрения «месторазвития». В свою очередь идеи П.Н. Савицкого органично дополняли утверждения Г.В. Вернадского. П.Н. Савицкий считал, что определённые формы культуры могут существовать независимо от «генетической близости» и расового смешения народов. Если культура является принадлежностью «месторазвития», то каждая социальная среда, появляющаяся в пределах данного «месторазвития», может испытать влияние определённых культурных форм. Такая социальная среда может адаптироваться к «месторазвитию» двумя путями: «1) путём непосредственного взаимодействия между названной социальной средой и внешней обстановкой; 2) путём того же взаимодействия, осложнённого привступлением культуры, уже ранее создавшейся в данном “месторазвитии”» [10. С. 64]. Н.И. Кареев подошел критически к такому подходу Г.В. Вернадского и П.Н. Савицкого. Свою точку зрения он выразил в письме к П.Н. Савицкому. Им было сделано существенное замечание по данному видению взаимосвязи частей и целого. Н.И. Кареев считает, что «Евразия есть обособленное природой место развития, это Вами показано... я думаю, с убедительностью, но заключать отсюда об общности всех культур, принадлежавших разным народам, которые здесь жили, не приходится... Археология, на которую Вы ссылаетесь... [может] свидетельствовать только об одной материальной культуре, о технике, о внешней форме предметов жизненного обихода, и, пожалуй, еще о сношениях между некоторыми племенами, а ведь в культуре есть еще духовная и социальная стороны (язык, религия, нравы, обычаи, хозяйственный и государственный быт, право и т.д.)» [16. С. 396]. Сходную мысль можно заметить и у оппонента евразийской мысли А.А. Кизеветтера [17].

По мысли Г.В. Вернадского, Евразия состоит из четырех растительных и почвенных поясов, тянувшихся в горизонтальном направлении с запада на восток. Это тундра (вдоль побережья Северного Ледовитого океана, она узкая на западе (Кольский п-ов) и расширяется к востоку), лесная зона – тайга (от южных Карпат по линии Киев – Казань – Тюмень до Алтая и вдоль северных границ монгольских степей и пустынь), степная зона (к югу от границы лесной зоны), пустыня (уральско-алтайская и монгольская). Так, степная полоса – это геополитическое «тело» России [1. С. 23, 24]. В поперечном направлении эти пояса пересекаются тремя равнинами – той, что соединяет Белое море с Кавказом, а также сибирской и туркестанской (как указывалось выше) [8. С. 18, 19; 9. С. 14]. П.Н. Савицкий добавляет: «В России-Евразии продвижение с юга на север есть, в то же время, в отношении сухопутного массива, как целого, продвижение от “центра” к “периферии”» [8. С. 20].

Соответственно, и Г.В. Вернадский, и П.Н. Савицкий делали вывод: «Флагоподобному широтно-полосовому зональному сложению евразийских низменностей-равнин противостоит мозаическое дробное зональное сложение Европы» [1. С. 23, 24; 8. С. 49]. По своему географическому устройству Евразия отличает-

ся и от Европы, и от Азии, так как обе они состоят из мозаичных зон, собранных из мелких кусочков, географически доказывающих их культурную раздробленность по сравнению с массивным континентальным единством евразийской культуры [5. С. 55].

П.Н. Савицкий подчёркивал, что зональное сложение России по ряду признаков представляет в своих изменениях образ замкнутого круга [8. С. 98]. На юге изменения начинаются с того же, чем завершаются на севере (на «периферии» материка). Таким образом, возникает системы юго-северных или центрально-периферических симметрий. Историк обращал внимание на то, что эти симметрии могут быть названы сущностными, когда установлена тождественность обуславливающих причин и общность генезиса сопоставляемых явлений, и «внешними», если общность и тождественность не установлены. Таким образом, Россия-Евразия по многим признакам есть «замкнутый круг», завершённый материк и «мир в себе» [Там же. С. 117].

Рассмотрев особое геополитическое положение Евразии, можно сделать вывод о том, что «месторазвитие» является ключом к пониманию русского исторического процесса, развертывающегося на внутриматериковом пространстве. Взгляды Г.В. Вернадского на многие проблемы русской истории оказали определенное влияние на евразийскую историческую концепцию, но в то же время носили ярко индивидуальный характер.

Как уже отмечалось, особую роль играют в истории Евразии «лес» и «степь», но помимо этого географического деления, которое является неотъемлемым компонентом «месторазвития», есть и хозяйственное дробление как следствие этого «месторазвития». В качестве наиболее исторически значимого этнополитического взаимодействия внутри Евразии Вернадский указывал на «сосуществование славянских оседлых земледельческих племен, первоначально занимавших лесную зону, с кочевыми скотоводческими племенами степей» [1. С. 24, 25]. В рамках определения «месторазвития» в трудах историка Г.В. Вернадского лежит такой термин, как «биоценоз» – социально-историческая среда и ее территория «должны слиться для нас в единое целое, в географический индивидуум или ландшафт» [Там же. С. 30].

Осмыслив и изучив труды ученого-историка Г.В. Вернадского, можно заметить, что ученый, исходя из структуралистского подхода, вкладывает различные компоненты в одну содержательную основу, проводя параллели в ходе исторического развития. Дополнением к историко-географическому принципу служит выделенный Г.В. Вернадским признак. Возникновение термина «Евразия» нацеливает на осмысление роли такого фактора в русской истории, как этнические контакты или этнический симбиоз: «Даже на ранних стадиях русской истории многие финно-угорские, северо-иранские (аланские), черкесские и тюркские племена жили рядом с русскими, и часть из них (в особенности некоторые финно-угорские племена) были постепенно поглощены потоком русской колонизации» [18. С. 252]. В перечисленных процессах немалое значение имели начала «генетической близости» народов. Изначально в основу содержания данного понятия легли исследования, сделанные П.Н. Савицким, а именно процессы ассимиляции народов («китаизация», «индизация»,

«иранизация», «месопотамизация», «египтизация», «византизация», «европеизация», «романизация», «степизация», «тундризация» [10. С. 64]). С точки зрения историка, указанные процессы стали определенным критерием в установлении доминирующего народа на евразийском континенте (в такой постановке собственных исторических исследований Г.В. Вернадский был критикуем в советской историографии), но, отмечал П.Н. Савицкий, «расы» сами должны рассматриваться как принадлежности месторазвития, их взаимодействие носит двусторонний характер. Культурные традиции как бы вырастают в ландшафт и делают отдельные месторазвития «культурно-устойчивыми». В то же время он не придавал концепции «месторазвития» исчерпывающего характера, устанавливал для неё определённые пределы в «геологических масштабах» [Там же. С. 67].

«Месторазвитие» как некий пространственный фактор в учении евразийцев предполагает непосредственное влияние природных ландшафтов на историю каждой из культур. Географическое пространство в решающей степени влияет как на культуру, так и на национальную историю народов, а многообразие ландшафтов Земли порождает многообразие культур, каждая из которых имеет свои внутренние циклы, свою логику исторического развития. Ни одно «месторазвитие» не может претендовать на доминирующую роль в истории, ни одна культура не может претендовать на роль господствующей по отношению к другим культурам. Каждый народ имеет свою объективную социально-историческую модель, свое историческое время, неразрывно связанное с конкретным замкнутым пространством («месторазвитием»), свою рациональную логику, каждый народ должен быть понят и оценен исходя из внутренних, сугубо индивидуальных критериев. Таков принципиальный почвеннический подход евразийцев [19. С. 24, 25].

В оценках современных исследователей, занимающихся учением евразийцев, встречаются разные точки зрения. О.В. Первушина заявляет, что идеи П.Н. Савицкого, а именно понятие «месторазвития» как сформированности определенной и особой географической и геосоциокультурной среды, развивает Г.В. Вернадский. Пространство России историк рассматривал как культурное и целостное «месторазвитие», населенное многочисленными народами, находящимися в тесном взаимодействии и взаиморазвитии, на пересечении культур, при определяющем влиянии географического фактора [6. С. 65–68].

По мнению М. Ларюэль, понятие «месторазвития» призвано научно доказать существование мистической связи между территорией и культурой, оно подтверждало телеологическую концепцию взаимосвязи человека с природой, показывало романтическое восприятие целостности природы и культуры [20. С. 117].

В.И. Дурновцев отмечает, что хотя историософия П.Н. Савицкого и других основателей евразийства, бесспорно, уязвима, однако так или иначе сохраняют рациональное значение их соображения о том, что особенности исторического и культурного пространства России восходят к природно-географическим условиям ее развития, в значительной мере объясняются окру-

жающей этнической средой и исторически сложившимися внутриэтническими отношениями [21. С. 712].

Американский историк Н.В. Рязановский считает, что значительная часть работ П.Н. Савицкого посвящена обоснованию тезиса об особой природе Евразии (следствием этого стало создание им собственной геополитической теории), что для него было естественно объединить евразийство с геополитикой, потому что огромная территория Евразии – возможный вариант «центра Земли» – неизбежно доминировала в его геополитических размышлениях, а кроме того, у него были и дополнительные причины: знание своего Отечества и пламенный патриотизм [22. С. 41].

Швейцарский лингвист П. Серио полагает, что главной задачей евразийского движения было сохранить любой ценой государственную целостность бывшей русской империи – Евразии [23. С. 67]. Основным достоинством евразийцев, по мнению ученого, являлось то, что в отличие от большинства других эмигрантских движений евразийскую теорию разрабатывали настоящие ученые: этнографы, лингвисты, историки, географы, философы, теологи, юристы. Все они высоко ценили научный поиск и научное открытие, они смотрели в будущее и не тянулись к ценно-

стям прошлого [Там же. С. 60]. П. Серио обращает внимание на то, что евразийское учение несет мету растерянности и глубокой неуверенности в себе русской эмиграции, непрестанно сталкивавшейся с назойливой проблемой отношения России к Европе: часть или иное целое, отставание или сущностное своеобразие [Там же. С. 98].

Таким образом, изучив и проанализировав труды Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого и других исследователей, можно сделать вывод, что Г.В. Вернадский рассматривает категорию «месторазвития» как некую платформу деятельности человека в частности и общества в целом. Кроме того, «месторазвитие» выступает в роли определенных рамок этнических и государственных образований и в каком-то смысле диктует определенные закономерности развития всех сфер жизни общества, в том числе и культуры. Причем Г.В. Вернадский пытался раскрыть механизм взаимодействия структурных составляющих общества. Ученый выстраивал исторический процесс, исходя из основных положений теории «месторазвития», а именно низменности равнины и климатического деления на широтные полосы, которые образуют тем самым почву «месторазвитий».

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский Г.В. Начертание русской истории : учеб. пособие для вузов. СПб. : ЛЕАН, 2000. 318 с.
2. Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. М. : Прогресс, 1993. Т. 1. 528 с.
3. Вернадский Г.В. Соединение церквей в исторической действительности // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 155–175.
4. Письмо Г.В. Вернадскому от В.И. Вернадского от 9.VI.1923. Paris, Rue Toulhier // Публикация и примечания к и.н. М.Ю. Сорокиной. URL: <http://www.arran.ru/index.php?page=publications/vernad/vernad3&ARFOND=3fssf4n7vuj14n0vj9qarpdnu7> (дата обращения: 16.05.2011).
5. Логовилов П.В. [П.Н. Савицкий] Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. 7. 1931. С. 53–63.
6. Первушина О.В. Природно-географические основания формирования культуры России: проблемное поле исследования // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 4. С. 65–68.
7. Полухин А.Н. Концепция месторазвития П.Н. Савицкого в исторической науке // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300-3. С. 62–63.
8. Савицкий П.Н. Географические особенности России. Ч. I : Растительность и почвы. Прага : Евразийское книгоиздательство, 1927. 180 с.
9. Вернадский Г.В. Русская история : учеб. М. : АГРАФ, 2001. 544 с.
10. Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М. : Аграф, 1997. С. 279–294.
11. Савицкий П.Н. Евразийская концепция русской истории // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М. : Аграф, 1997. С. 123–126.
12. Быстрыков В.Ю. В поисках Евразии. Общественно-политическая и научная деятельность П.Н. Савицкого в годы эмиграции (1920–1938). Самара : Самар. книж. изд-во, 2007. 280 с.
13. Савицкий П.Н. Евразийство // Классика Геополитики XX век : сб. / сост. М.К. Королев. М. : АСТ, 2003. С. 655–677.
14. Ключников С. Русский узел евразийства // Наш современник. 1992. № 3. С. 174–180.
15. Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Б.м. : Издание евразийцев, 1932. 28 с.
16. Письмо Н.И. Кареева П.Н. Савицкому от 2 декабря 1927 г. // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 396–401.
17. Кизеветтер А.А. Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн / под ред. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. Антология. Наука, 1993. С. 266–279.
18. Вернадский Г.В. Московское царство. Тверь : ЛЕАН ; М. : АГРАФ, 1997. Ч. 2. 416 с.
19. Побединский В.Н. Культура и «почва» в учении евразийцев: геософия или геополитика? // Вопросы культурологии. 2009. № 11. С. 23–27.
20. Ларюэль Марлен. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи / пер. с фр. Т.Н. Григорьевой. М. : Наталис, 2004. 287 с.
21. Дурновцев В.И. Савицкий Петр Николаевич // Историки России. Биографии. М. : РОССПЭН, 2001. С. 705–713.
22. Рязановский Н.В. Возникновение евразийства // Звезда. 1995. № 2. С. 29–44.
23. Серио Патрик. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг. М. : Языки славянской культуры, 2001. 360 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 апреля 2014 г.

THE CONCEPT OF TOPOGENESIS OF THE EURASIAN DIMENSION IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF G.V. VERNADSKY AND P.N. SAVITSKY

Tomsk State University Journal. No. 384 (2014), 126–131. DOI: 10.17223/15617793/384/22

Sutormin Sergey O. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Serega-Sutormin@mail.ru

Keywords: Eurasian idea; G.V. Vernadsky; P.N. Savitsky; concept; natural and geographical factors.

This article is devoted to the scientific activities of historian G.V. Vernadsky (August 20, 1887 - June 13, 1973) and leader of the Eurasian movement P.N. Savitsky (May 15, 1895 - April 13, 1968), the author of the concept of "topogenesis". In the introductory part of the article the author draws attention to the emergence of the Eurasian direction of historical works of G.V. Vernadsky. G.V. Vernadsky expressed more patriotic views in his primary works, which proves by his first historical article "Connection of

churches in historical reality" (1923) written for the anti-Catholic book "Russia and Latins" and "Russian tribe's movement to the east". However, in the mature period of his scientific creativity G.V. Vernadsky conceptually draws provisions of Eurasianism, despite emigration (1921) and moving to the U.S. (1927). The introduction and further cooperation with historian P.N. Savitsky certainly affected him (1923). The second part of the article sets out the basic tenets of the theory of "topogenesis" in the scientific heritage of G.V. Vernadsky and P.N. Savitsky, as well as focuses on the methodological approach in building the Eurasian ideas. Eurasians made an original historical and geopolitical model of the Eurasian continent through interdisciplinary research, and they proved the uniqueness of Russia-Eurasia, which is different from both Western and Eastern civilizations. Eurasians explained this by the fact that natural geographic, climatic and soil conditions form a special botanical "topogenesis" of the Eurasian continent (which occupies the central place in Russia territorially), as a result, they create an image of a vicious circle, a separate historical-geographical world with its own "distinctive" features. According to them, the political, economic, social and cultural spheres of life are closely related to "topogenesis", and they were criticised for it in the national historiography. It is important that G.V. Vernadsky and P.N. Savitsky did not ignore the ethnocultural formations and interethnic contacts in their writings, referring to them by the term "ethnic symbiosis". Paying tribute to G.V. Vernadsky in the development of the Eurasian provisions it can be said that the historian applied the concept of "topogenesis" to historical research. Furthermore, the historian elicited cyclic patterns and rhythmic changes in the historical process in the inland area, which allowed establishing the geopolitical characteristics of state formations. The third part contains the main conclusions of the article and provides a different perspective on the teaching of the Eurasians.

REFERENCES

1. Vernadsky G.V. *Nachertanie russkoy istorii* [Writing Russian history]. St. Petersburg: LEAN Publ., 2000. 318 p.
2. Milyukov P.N. *Ocherki po istorii russkoy kul'tury: soch. v 3 t.* [Essays on the history of Russian culture. Writings in 3 vols.]. Moscow: Progress publ., 1993. Vol. 1, 528 p.
3. Vernadsky G. V. Soedinenie tserkvey v istoricheskoy deystvitel'nosti [Uniting churches in historical reality]. *Voprosy istorii*, 1994, no. 7, pp. 155-175.
4. Pis'mo G.V. Vernadskomu ot V.I. Vernadskogo ot 9. VI.1923. Paris, Rue Toullier [Letter from G.V. Vernadsky to V.I. Vernadsky of June 9, 1923. Paris, Rue Toullier]. Available at: <http://arran.ru/index.php?page=publications/vernad/vernad3&ARFOND=3fssf4n7vuj14n0vj9qarpdnu7>. (Accessed: 16th May 2011).
5. Logovikov P.V. [P.N. Savitskiy] *Tridtsatye gody. Utverzhdenie evraziytssev* [The thirties. Establishment of the Eurasians]. [No Place], 1931. Book 7, pp. 53-63.
6. Pervushina O.V. Natural-geographic foundation of formation of the Russian culture [natural geographic bases of formation of Russian culture: the problem field of study]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*, 2007, no.4, pp. 65-68. (In Russian).
7. Polukhin A.N. Kontseptsiya mestorazvitiya P.N. Savitskogo v istoricheskoy nauke [The concept of topogenesis by P.N. Savitsky in historical science]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 300-3, pp. 62-63.
8. Savitskiy P.N. *Geograficheskie osobennosti Rossii* [Geographical features of Russia]. Prague: Evraziyskoe knigoizdatel'stvo Publ., 1927. Pt. 1, 180 p.
9. Vernadsky G.V. *Russkaya istoriya* [Russian history]. Moscow: Agraph Publ., 2001. 544 p.
10. Savitsky P.N. *Kontinent Evraziya* [The Eurasian continent]. Moscow: Agraph Publ., 1997, pp. 279-294. First published in: Savitsky P.N. *Rossiya – osobyi geograficheskiy mir* [Russia as a special geographical world]. Prague: Evraziyskoe knigoizdatel'stvo Publ., 1927.
11. Savitskiy P.N. *Kontinent Evraziya* [The Eurasian continent]. Moscow: Agraph Publ., 1997, pp. 123-126. *Evrziyskaya kontseptsiya russkoy istorii* [Eurasian concept of Russian history]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R. 5783. List I. File 28. 18 p.
12. Bystryukov V. Yu. *V poiskakh Evrazii. Obshchestvenno-politicheskaya i nauchnaya deyatel'nost' P. N. Savitskogo v gody emigratsii (1920-1938)* [Finding Eurasia. Socio-political and scientific activities of P.N. Savitsky in the years of emigration (1920-1938)]. Samara: Samarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2007. 280 p.
13. Savitskiy P.N. *Evrziystvo* [Eurasianism]. In: Korolev M.K. *Klassika Geopolitiki 20 vek* [Classical Geopolitics of the 20th century]. Moscow: AST Publ., 2003, pp. 655-677.
14. Klyuchnikov S. Russkiy uzel evraziystva [Russian Eurasianism node]. *Nash sovremennik*, 1992, no.3, pp. 174-180.
15. *Evrziystvo. Deklaratsiya, formulirovka, tezisy* [Eurasianism. Declaration, wording, theses]. [No place]: Izdanie evraziytssev Publ., 1932. 28 p.
16. Pis'mo N.I. Kareeva P.N. Savitskomu ot 2 dekabrya 1927 g. [Letter of N.I. Kareev to P.N. Savitsky of December 2, 1927]. *Ab Imperio*, 2002, no. 1, pp. 396-401.
17. Kizevetter A.A. *Evrziystvo* [Eurasianism]. In: Novikova L.I., Sizemskaya I.N. (eds.) *Rossiya mezhdu Evropoy i Aziei: Evraziyskiy soblazn. Antologiya* [Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. Anthology]. Moscow: Nauka Publ., 1993, pp. 266-279.
18. Vernadsky G.V. *Moskovskoe tsarstvo* [Moscow Tzardom]. Tver: LEAN Publ., Moscow: Agraph Publ., 1997. Pt. 2. 416 p.
19. Pobedinskiy V.N. Kul'tura i "pochva" v uchenii evraziytssev: geosofiya ili geopolitika? [Culture and "soil" in the teachings of the Eurasians: geosophy or geopolitics?]. *Voprosy kul'turologii*, 2009, no.11, pp. 23-27.
20. Laruelle M. *Ideologiya russkogo evraziystva, ili Mysli o velichii imperii* [Ideology of Russian Eurasianism, or Thoughts about the greatness of the Empire]. Translated from French by T.N. Grigor'eva. Moscow: Natalis Publ., 2004. 287 p.
21. Durnovtsev V.I. *Savitskiy Petr Nikolaevich* [Pyotr Savitsky]. In: *Istoriki Rossii. Biografii* [Russian historians. Biographies]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001, pp. 705-713.
22. Ryazanovskiy N. V. Vozniknovenie evraziystva [Emergence of Eurasianism]. *Zvezda*, 1995, no. 2, pp. 29-44.
23. Seriot P. *Struktura i tselostnost': Ob intellektual'nykh istokakh strukturalizma v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope. 1920–30-e gg.* [Structure and integrity: intellectual origins of structuralism in Central and Eastern Europe. 1920-30s]. Translated from French. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 360 p.

Received: 14 April 2014